

Райкин Аркадий

1983

Сов. Россия, 1983, 17 июня

Мы помним: «Гренада, Гренада моя»

Сегодня исполняется 80 лет со дня рождения замечательного советского поэта и драматурга Михаила Аркадьевича Светлова. Десять лет назад издательство «Советский писатель» выпустило книгу воспоминаний о М. Свет-

лове «Ты помнишь, товарищ...» Сейчас составители сборника Л. Либединская и З. Паперный готовят новое, дополненное его издание, куда войдут не публиковавшиеся еще воспоминания. Отрывки из некоторых из них и предлагаем сегодня читателям газеты.

Аркадий Райкин

О Михаиле Светлове ходят легенды. Он был счастливым человеком, ему никогда ничего не надо было. Он ходил зимой в осеннем пальто, одежда не всегда была в порядке... Он как-то не замечал этого, он жил поэзией.

Однажды он сказал мне: «Как обидно, что ты не был знаком с Михаилом Голодным. Он писал прекрасные стихи».

И в том, что Светлов говорил о стихах других поэтов, говорил о них с уважением, чувствовалось, что он хорошо, по-доброму к ним относится.

В его словах можно было слышать иронию, чаще всего самоиронию.

Как-то один писатель написал плохой роман, и его напечатали в одном из толстых журналов.

— Прочел ты его? — спросил я Мишу.

— Прочел.

— Ты знаешь, Миша, у меня такое впечатление, что это перевод с другого языка.

— С говяжьего, — уточнил Светлов.

Он нам написал слова песни для спектакля «Чашка чая». Вот они:

Давным-давно родные,
Мы встретились впервые,
И вот уже пятнадцать лет прошло.
Из зрительного зала
На нас всегда дышало
Большое благородное тепло.

Сомкнулись наши руки,
И с вами нет разлуки
На нашем артистическом веку.
Всегда мы вместе с вами —
Со старыми друзьями —
Откушайте, товарищи, чайку!
Советскому искусству
Мы отдаем все чувства,
У нас предмет — и тот всегда артист!
Поймите, ведь недаром
Мы все за самоваром —
Он издает художественный свист.
Пятнадцать лет на сцене
Мы любим вас и ценим,
Нам каждый дорог, как сестра и брат!
И мы вас приглашаем
Вновь посидеть за чаем,
Когда нам стукнет двести пятьдесят!

Познакомились мы с ним очень давно. В Ленинградском театре рабочей молодежи я играл в его пьесе «Глубокая провинция».

Знакомы мы были долгие годы. Иногда звонили друг другу по ночам. Я после спектаклей. Спрашивал — не разбудил ли, не помешал? В ответ слышал: «Дружба — понятие круглосуточное».

Леонид Романчик

На окраине большого села Дроздовицы Черниговской области в старой избушке под соломенной крышей разместилась редакция газеты «За победу».

Стоял май 1944 года. Цвели сады, и в тихом, безветренном воздухе плавал густой аромат вишневого и яблоневого цветения. Редактору газеты Михаилу Козловскому только что принесли на подпись очередной номер газеты, и он просматривал пахнущие краской столбцы. А в это время по тропинке, выходящей по огородам, шел молодой уже человек в солдатской шинели, в стоптанных кирзовых сапогах и зимней шапке-ушанке. Он двигался не спе-

ша, иногда останавливался. Глубоко вдыхая весенний воздух, прислушивался к жаворонку, который висел где-то под солнечным диском.

Пригнувшись, чтобы не стукнуться о притолоку, майор вошел в избу.

— Здравствуйте! Михаил Светлов...

Редактор растерянно спросил:

— Тот самый Михаил Светлов?

Посетитель улыбнулся застенчивой улыбкой:

— Да, если хотите, тот самый...

Мы, комсомолцы двадцатых годов, считали Светлова своим поэтом, пели его «Каховку» и все знали наизусть «Гренаду». Я почему-то не думал о том, что и комсомольские поэты стареют. Таково, видимо, свойство светловских стихов, что они заставляют думать об авторе как о вечно молодом.

С этого майского дня и до самого Дня Победы, целый год, Светлов работал в нашей газете. Он делил с нами все трудности походной жизни, десятки километров проходил пешком, спал, как и все мы, в землянках, укрывшись шинелью.

Однажды Светлов пришел чем-то взволнованный и удрученный и сказал, что прочел в газете некролог Иосифу Уткину. Там говорилось о трагической смерти поэта. Мы тогда не знали, что скрывается за этой фразой. Потом стало известно, что самолет, на котором Уткин возвращался с фронта в Москву, разбился при посадке.

— Уходят старики, — задумчиво говорил Михаил Аркадьевич. — Я остаюсь один. Уткин — мой близкий друг. Я знал его много лет. Война унесла Ставского, Алтузева, Петрова, Крымова. А теперь встает Уткин.

И Светлов уходит в свою избушку, дол-

го светится в его избе огонек карбидной лампы.

Окончилась война с Германией. Победа! О ней узнали мы не по радио и не по телефону, а по стихийно возникшему салюту. Все, кто имел оружие, стали стрелять в небо... Я был в части и, услышав салют, поспешил в редакцию. За праздничным столом в одном из домиков в пригородном поселке под Берлином сидели Светлов, Козловский, Зимин, Нарциссов и другие работники редакции. Произносили то-сты.

В последний раз я видел Михаила Аркадьевича. Он был весел и много шутил. Вскоре он уехал в Москву, а в редакции газеты «За победу» еще долго вспоминали его, когда делали газету, когда садились за праздничный стол, когда читали его стихи в газетах и журналах.

Марк Колосов

В тридцатых годах Светлов активно сотрудничал в журнале «Молодая гвардия», где я в то время работал заместителем ответственного редактора. Он не только печатал в этом журнале свои стихи, но принимал участие в работе литературной консультации. Как радовался он, когда в так называемом самоотчете удавалось ему найти настоящий талант. Светлов безошибочно распознавал это, даже если стихи были не отшлифованы. Тут сказывалось не только его умение шутить, но и способность восхищаться.

Кстати, о шутках Светлова. За последнее время так много опубликовано воспоминаний о них, что может сложиться впечатление, будто он рождал их поточным способом, безостановочно. Но я знал и

другого Светлова — без шуток. Пожалуй, даже таким он больше запомнился. Однажды он мне признался:

— Ты ошибаешься, если думаешь, что мне это доставляет огромное удовольствие. Это такой же труд, как сочинение стихов. Но, что делать, если без шуток я не копируюсь, от меня их ждут. А так хочется иногда помолчать или поговорить о чем-нибудь более существенном!

Памятен мне день 9 мая 1964 года в Центральном доме литераторов, первый раз без Светлова. Он уже был тяжело болен, знал, что обречен, и вдруг внезапно неизвестно как прорвался из больницы на соединение с нами. Появился в дверях, оперся на косяк двери и, как тяжело раненый воин, скрывающий свое ранение, молча направился к столу президиума. Несколько минут сидел счастливый, потом молча, прямо держась, медленной походкой удалился.

О том, как мужественно переносил он неизлечимый недуг, знают все, кто навещал его в больнице. Хотя он и шутил и говорил, что он не Николай Островский, в сущности он был из той же породы. Болезнь не назначила Островскому срок смерти. Островский отодвигал этот срок. Смерть подкралась к нему внезапно. Светлова же сразил недуг, точно оповещающий, что дни его сочтены. Над этим недугом невласти даже сверхчеловеческая воля.

На больничной койке Светлов оставался воином:

Все мое со мною рядом тут.
Мне молчать года не позволяют.
Воины с винтовками идут,
Матери с детскими гуляют.
И пускай ночами фонарей
Ночь несет дежурство над больницей.
Ну-ка, утро, наступай скорей,
Стань мое окно моей бойницей!

